

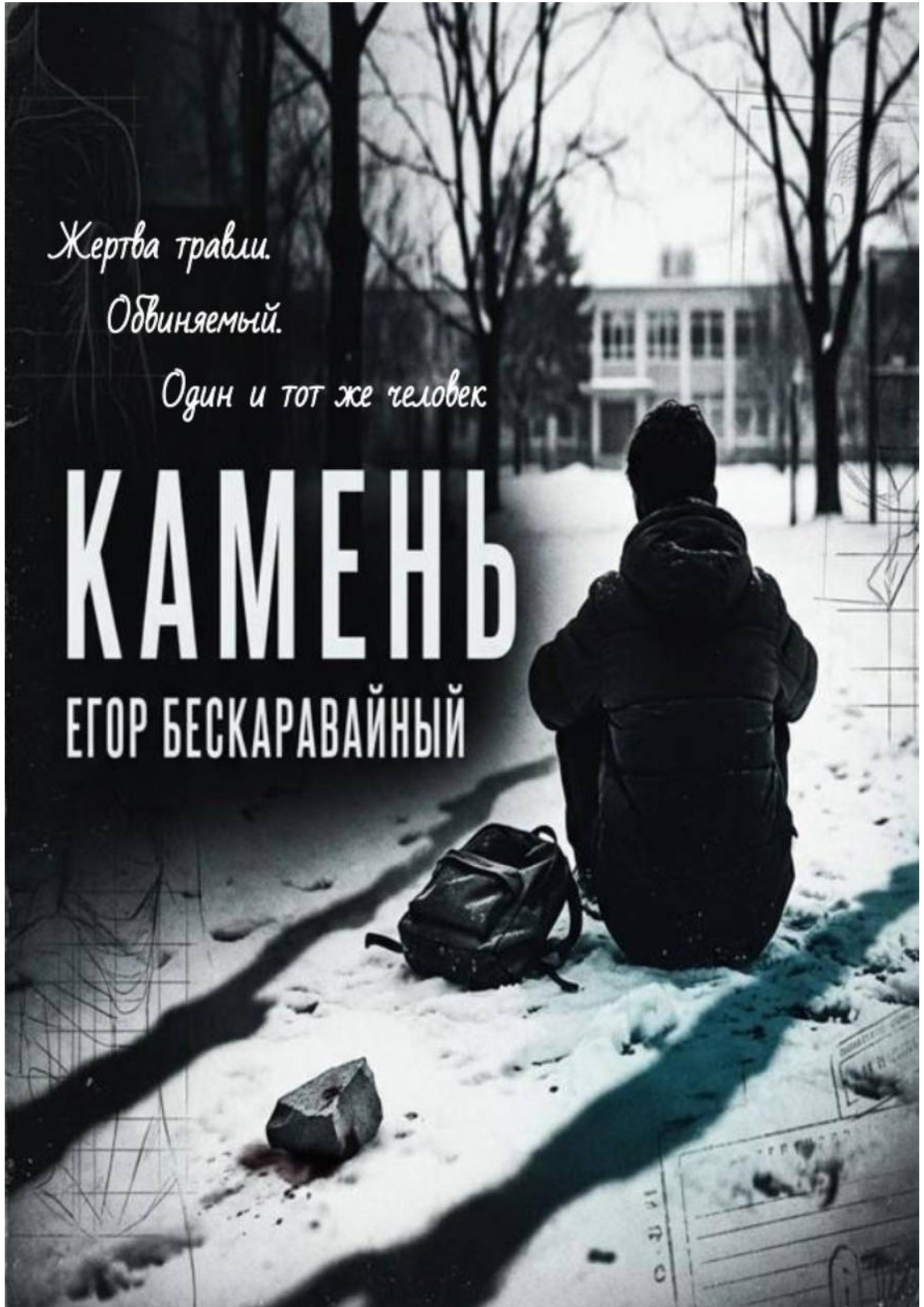
Жертва травли.

Обвиняемый.

Один и тот же человек

КАМЕНЬ

ЕГОР БЕСКАРАВАЙНЫЙ

Егор Бескаравайный
Камень

«Автор»

2026

Бескаравайный Е.

Камень / Е. Бескаравайный — «Автор», 2026

Пятнадцатилетний Алексей Соболев три месяца терпел травлю. Отдавал деньги, скрывал синяки, врал матери. Когда трое старшеклассников избили его за спортзалом, он схватил камень и ударил. Один раз. Теперь нападавший – в коме. Алексей – в СИЗО. Следователь говорит «умышленное причинение тяжкого вреда», прокурор требует реального срока, родители потерпевшего – влиятельные люди. У Алексея есть только мать, отец, вернувшийся из Мурманска, и адвокат по самообороне, которая берётся за безнадёжные дела. Это история о том, как закон защищает тех, кто защищается. О том, что такое необходимая оборона – и почему за неё не сажают. О том, как один удар может стать приговором, а может – оправданием. Книга основана на реальной судебной практике. Все юридические процедуры, экспертизы и цитаты из Постановления Пленума ВС РФ 19 приведены в соответствии с действующим законодательством. Для широкого круга читателей. 16+.

© Бескаравайный Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
ВАЖНО	6
ОТ АВТОРА	7
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	9
ПРОЛОГ. ТРИ ДОКУМЕНТА	10
ГЛАВА 1.1. «СЧЁТЧИК»	11
ГЛАВА 1.2. «ТЫ НИКТО»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Камень

Аннотация

Пятнадцатилетний Алексей Соболев три месяца терпел травлю. Отдавал деньги, скрывал синяки, врал матери. Когда трое старшеклассников избили его за спортзалом, он схватил камень и ударил. Один раз.

Теперь нападавший – в коме. Алексей – в СИЗО. Следователь говорит «умышленное причинение тяжкого вреда», прокурор требует реального срока, родители потерпевшего – влиятельные люди. У Алексея есть только мать, отец, вернувшийся из Мурманска, и адвокат по самообороне, которая берётся за безнадёжные дела.

Это история о том, как закон защищает тех, кто защищается. О том, что такое необходимая оборона – и почему за неё не сажают. О том, как один удар может стать приговором, а может – оправданием.

Книга основана на реальной судебной практике. Все юридические процедуры, экспертизы и цитаты из Постановления Пленума ВС РФ № 19 приведены в соответствии с действующим законодательством.

Для широкого круга читателей. 16+

«Оборонявшийся – не преступник, пока не доказано обратное».

– Елена Горелова, адвокат

Повесть о том, как один удар камнем разделил жизнь на «до» и «после» Архангельск, 2026

ВАЖНО

Информация в книге не является юридической консультацией.

Для решения конкретных вопросов рекомендуется обратиться к квалифицированному юристу или адвокату.

Автор не несёт ответственности за возможные последствия любых действий, предпринятых читателем на основании информации из книги.

ОТ АВТОРА

Все персонажи этой повести вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, живущими или жившими, является случайным. Реальные государственные органы, должностные лица, адвокаты, судьи и эксперты упоминаются исключительно для создания достоверного фона повествования. Судебные прецеденты, описанные в тексте, взяты из официальных обзоров судебной практики и являются реальными. Мнения и поступки персонажей не отражают позицию каких-либо государственных органов или профессиональных сообществ.

Эта повесть родилась из статистики.

Не из одного конкретного дела, как повесть «Предел», а из десятков и сотен историй, которые каждый год происходят в российских школах. Историй, о которых не пишут в новостях, пока не случится трагедия. Историй, в которых жертва и агрессор меняются местами – и жертва становится обвиняемой.

Подростковая травля – это не просто «конфликты в школе». Это систематическое насилие, которое ломает психику, разрушает здоровье, а иногда приводит к тому, что загнанный в угол ребёнок хватается за первое, что попало под руку. И тогда начинается уголовное дело. И тогда вчерашняя жертва становится подсудимой. А настоящие агрессоры – те, кто травил, избивал, унижал, – оказываются потерпевшими.

Закон о необходимой обороне в России существует. Статья 37 Уголовного кодекса, Постановление Пленума Верховного Суда, десятки судебных решений, в которых оборонявшиеся признаны невиновными. Но когда речь идёт о подростках, система работает иначе. Здесь появляются особенности: возраст, процессуальные гарантии, обязательное участие психолога, законных представителей, комиссии по делам несовершеннолетних. И разобраться в этом переплетении норм и процедур без грамотного адвоката почти невозможно.

Эта книга – о том, что даже в самой тёмной ситуации есть надежда. О том, что закон – не враг, если знать, как им пользоваться. О том, что родители, которые вовремя оказываются рядом, могут изменить всё. И о том, что иногда один человек – адвокат, учитель, друг – способен переломить ход событий.

Эта книга – не отражение среднестатистической судебной практики.

Если говорить честно, оправдательные приговоры по делам о необходимой обороне в России – редкость. Меньше одного процента от всех дел. Система часто работает против того, кто защищался. Следователи видят умысел там, где был страх. Судьи – превышение там, где была оборона.

Но это не значит, что бороться бесполезно. Это значит, что без подготовки – не справиться.

Представьте: вы купили автомобиль. Вы же не садитесь за руль, не зная правил дорожного движения? Вы учите их, сдаёте экзамен, получаете права. Потому что без этого вы либо не доедете, либо попадёте в аварию. Так и с законом. Если вы не знаете своих прав – вы не знаете, как ими пользоваться. А в критической ситуации это знание может стоить вам свободы.

Эта книга – как учебник вождения. Только не для автомобиля, а для вашей жизни. Она не гарантирует, что вы выиграете дело. Но она показывает: если у вас есть хороший адвокат, если вы знаете закон, если вы не признаёте вину на первом допросе – у вас есть шанс. Тот самый шанс, которого лишены те, кто молча подписывает протокол, не читая.

Эта книга – о том, как должно быть. О том, как работает закон, когда его правильно применяют. И о том, что для этого всё-таки нужен адвокат.

Все нормативные акты, упомянутые в повести, – реальные. Приказ Минздрава № 172н, Постановление Пленума Верховного Суда № 19, статьи Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации – всё это действующее законодательство.

Практические приложения, завершающие книгу, – не декорация. Это рабочие инструменты. Чек-листы, образцы документов, памятки – всё это может быть использовано в качестве примеров. Если с вами или вашим ребёнком случится беда, похожая на описанную в этой книге, вы сможете открыть приложения и понять, что делать.

Я надеюсь, что эта книга поможет тем, кто молчит. Тем, кто боится. Тем, кто думает, что выхода нет. Выход есть. Не бойтесь говорить. Не бойтесь просить помощи. Не бойтесь защищаться.

Потому что человек, который защищает свою жизнь, – не преступник.

Он – выживший.

И закон должен быть на его стороне.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Семья Соболевых

Соболев Алексей Игоревич, 15 лет

Девятиклассник. Главный герой. Защищаясь от группового избиения, нанёс удар камнем.

Соболева Анна Викторовна, 42 года

Мать Алексея. Бухгалтер.

Соболев Игорь Петрович, 47 лет

Отец Алексея. Инженер. Живёт в Мурманске, приезжает после ареста сына.

Нападавшие

Шаров Максим Сергеевич, 17 лет

Одиннадцатиклассник. Занимается ММА. Систематически травил и избивал Алексея.

Потерпевший.

Игнатов Дмитрий (Игнат), 17 лет

Одиннадцатиклассник. Из компании Шарова. Ведомый. На очной ставке лжёт.

Кирилл (Кириллов), 16 лет

Десятиклассник. Из компании Шарова. Единственный, кто говорит правду на следствии.

Потерпевшая сторона

Шаров Сергей Владимирович, 47 лет

Отец Максима. Предприниматель. Спонсор школы. Требует максимального наказания для Алексея.

Шарова Елена Дмитриевна, 44 года

Мать Максима. Идеализирует сына, отвергает любые обвинения в его адрес.

Школа

Малышева Тамара Николаевна, 58 лет

Директор школы. Озабочена репутацией, склонна замалчивать проблемы.

Полина Андреевна, 26 лет

Классный руководитель Алексея. Учительница математики. Единственная из педагогов заметила синяки. Уволилась в знак протеста.

Настя, одноклассница

Свидетель защиты. Рассказывает о травле на следствии и в суде.

Защита

Горелова Елена Михайловна, 38 лет

Адвокат. Специализация: необходимая оборона. Кредо: «Оборонявшийся – не преступник, пока не доказано обратное».

Волин Борис Аркадьевич, 68 лет

Специалист (ст. 58 УПК РФ). Бывший судебно-медицинский эксперт. Готовит альтернативное заключение.

Обвинение

Рукавишников Андрей Васильевич, 50 лет

Старший следователь СК РФ. Ведёт дело. Профессионал, но с обвинительным уклоном.

Володина Инна Сергеевна, 45 лет

Государственный обвинитель. Опытный прокурор.

Зиновьев Григорий Петрович, 55 лет

Судебно-медицинский эксперт. Проводит экспертизу по делу.

ПРОЛОГ. ТРИ ДОКУМЕНТА

Документ 1. Из заключения судебно-медицинской экспертизы № 1247 от 24 октября

«...У Шарова М.С. выявлена закрытая черепно-мозговая травма: внутричерепная гематома левой височной области, трещина височной кости, ушиб головного мозга средней степени, осложнившийся комой. Данное повреждение квалифицируется как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, поскольку кома любой степени относится к угрожающим жизни состояниям (п. 5.1.2.3 Порядка определения степени тяжести вреда, утверждённого Приказом Минздрава России от 08.04.2025 № 172н). Удар нанесён тупым предметом с неровной поверхностью. Взаимное расположение потерпевшего и нападавшего в момент удара: потерпевший находился в наклоне вперёд, нападавший – лёжа на спине. Удар нанесён однократно, снизу вверх. Признаков «контрольного» добивания не обнаружено...»

Документ 2. Из протокола допроса несовершеннолетнего подозреваемого Соболева А.И. от 19 октября

«...Я не хотел его калечить. Я просто хотел, чтобы он перестал меня бить. Они меня втроём избивали, я лежал на земле, закрывал голову руками. Шаров наклонился, схватил меня за волосы и сказал что-то про мать. Я не помню, что именно. Я схватил камень и ударил. Один раз. Я не помню, с какой силой. Я не помню, куда целился. Я просто хотел, чтобы всё прекратилось...»

Документ 3. Из показаний свидетеля – классного руководителя

«...Я видела синяки у Соболева за неделю до драки. На скуле и на руке. Спросила – он сказал «упал». Я не поверила, но он замкнулся, и я не стала давить. Теперь понимаю, что должна была. Если бы я настояла тогда – может быть, ничего бы не случилось. Он был очень бледный в тот день. Сидел за партой и смотрел в одну точку. На моём уроке он написал на полях тетради: «Я больше не буду бояться». Я запомнила эту фразу...»

ГЛАВА 1.1. «СЧЁТЧИК»

Середина октября в Архангельске – это когда утром выходишь из подъезда, а под ногами уже хрустит первый ледок на лужах. Светает поздно, темнеет рано, и большую часть дня мир существует в каком-то сером полумраке. Школьники идут на учёбу с фонариками на телефонах, хотя фонарики эти – скорее для вида: городские улицы освещены, просто хочется хоть какого-то собственного света.

Алексей Соболев фонариком не пользовался. Он вообще старался быть незаметным – шёл вдоль стеночки, капюшон толстовки надвинут на глаза, руки в карманах. Обычный девятиклассник, каких в любой школе сотни. Не отличник и не двоечник, не спортсмен и не толстяк, не красавчик и не замухрышка. Серый. Незаметный. Такой, про которого на родительском собрании говорят: «А это чей?»

Но в этом была своя стратегия. Алексей давно понял: чем меньше ты высываешься, тем меньше по тебе бьют. Проблема была в том, что бить по нему начали всё равно.

Школа номер восемнадцать стояла на окраине Архангельска – серая четырёхэтажная коробка, обшарпанная, с трещинами на фасаде и вечно протекающей крышей над спортзалом. Вокруг – такие же серые девятиэтажки, пара чхлаых сквериков, «Пятёрочка» и остановка автобуса. Обычный спальный район, где все друг друга знают, а если не знают – значит, ты здесь недавно.

Алексей здесь жил всю жизнь.

В то утро он вышел из дома в семь пятнадцать. Мать уже убежала на работу – она уходила рано, возвращалась поздно. На кухне осталась записка на стикере: «Каша в микроволновке. Деньги на обед в шкафу в конвертике на кухне. Позвоню вечером. Целую, мама».

Конверт лежал в шкафу. Триста рублей. Алексей взял его, покрутил в пальцах и убрал в карман. Есть не хотелось.

Он знал, что эти триста рублей – не на обед.

Шаров появился в его жизни в начале сентября. Ну как появился – был всегда, просто раньше не замечал. Максим Шаров учился в одиннадцатом, и девятиклассники для него были пустым местом. Но в этом году что-то изменилось. Может быть, Алексей просто попался на глаза в неудачный момент. Может быть, Шарову стало скучно. А может – и это было ближе всего к истине – Шаров просто понял, что Лёша никому не пожалуется.

Всё началось с мелочи. В столовой Шаров подошёл к его столу и без слов взял с подноса булочку. Алексей промолчал. На следующий день – булочку и сок. Потом – весь обед. Потом Шаров сказал: «Слышь, Соболев, ты чё такой жадный? Давай-ка ты будешь платить за проход».

– Куда проход? – не понял Алексей.

– Никуда. Просто проход. По школе ходишь – плати. Сто рублей в день. Нормальная цена.

– У меня нет таких денег.

– Найди.

И он нашёл. Сначала отдавал из карманных – тех трёхсот рублей, что мать оставляла на неделю. Потом этого стало не хватать. Шаров поднял таксу до ста пятидесяти. Потом до двухсот. Потом сказал: «Слушай, сто рублей в день – это как-то мелко. Давай сразу за неделю. Тысяча. Или отработаешь».

– Как отработаю?

– Ну, я тебе буду говорить, что делать, ты будешь делать. Ничего сложного. Сумку там принести, домашку за меня сделать. Мелочи.

Алексей выбрал платить.

Он перестал обедать в школе. Откладывал. Мать заметила, что он похудел – сказала: «Ты не заболел?» Он ответил: «Не хочется просто». Она поверила. У неё не было времени не поверить.

Алексей никому не рассказывал. Не потому, что не хотел – просто не знал как. «Мам, у меня деньги отбирают» – это стыдно. «Мам, меня трясут» – это унижительно. «Мам, я боюсь» – это страшно. Он не мог сказать ей этого. Она придёт в школу, будет разбираться, кричать, плакать – а что это изменит? Шарова не исключат. У него родители – спонсоры школы. А Алексея запишут в стукачи, и станет только хуже.

Он терпел. Он думал: «Ещё полгода – и он выпустится. Надо просто дожить».

Но дожить не получалось.

В то утро Алексей пришёл в школу за пятнадцать минут до звонка. Повесил куртку, переобулся, поднялся на второй этаж. У кабинета математики стояла Полина Андреевна – молодая учительница в очках, которую все звали просто ПА, потому что «Полина Андреевна» было слишком длинно.

– Соболев, можно тебя на минутку?

Он подошёл. Полина Андреевна посмотрела на него внимательно – тем взглядом, которым учителя смотрят, когда хотят что-то спросить, но не знают как.

– У тебя всё в порядке?

– Да. А что?

– Синяк. На скуле. Откуда?

Алексей машинально потрогал лицо. Синяк был уже жёлтый, почти сошёл. Он и забыл про него – Шаров на прошлой неделе толкнул его в раздевалке, он ударился лицом о вешалку.

– Упал. На физкультуре.

– На физкультуре? У вас в пятницу физкультуры не было.

– Значит, дома. Не помню.

Полина Андреевна хотела сказать что-то ещё, но прозвенел звонок. Алексей нырнул в класс и сел за свою парту. Рядом уже сидела Настя – одноклассница, с которой они сидели вместе с пятого класса. Она подвинула к нему тетрадь по алгебре:

– Держи, я решила. Списывай быстрее.

– Спасибо.

– Кстати, к тебе опять эти подходили. Ну, которые одиннадцатиклассники. Я видела вчера после уроков.

– Не подходили, – соврал Алексей.

– Я же видела.

– Тебе показалось.

Настя помолчала, потом тихо сказала:

– Лёш, может, родителям расскажешь? Или ПА? Она нормальная, она поймёт.

– Не надо.

– Почему?

– Потому что не надо.

Он отвернулся к тетради и начал переписывать решение. Настя больше не спрашивала.

На большой перемене Алексей пошёл в столовую – не есть, а просто чтобы не сидеть в классе одному. Взял стакан чая, сел за дальний стол, в углу, у окна. За окном моросил дождь, тополя на школьном дворе стояли почти голые, только на верхних ветках ещё держались последние жёлтые листья.

– Соболев, привет.

Он не услышал шагов. Шаров подошёл бесшумно, сел напротив, загородив собой пол-окна. Следом, как приклеенные, подошли Игнат и Кирилл. Игнат встал сбоку, Кирилл чуть поодаль – прикрывал обзор от учительского стола.

– Привет, – ответил Алексей. Голос не дрогнул. Он научился.

– Чё такой грустный? Денег нет?

– Есть.

– Сколько?

Алексей достал из кармана смятые купюры. Триста рублей – мамины, на обед. Плюс ещё пятьдесят – свои, сэкономленные.

– Триста пятьдесят.

– Нормально, – Шаров сгрёб деньги и сунул в карман, не пересчитывая. – Но мало. Тысяча была. Где остальное?

– Нет больше.

– А ты поищи.

– Негде искать.

Шаров откинулся на спинку стула и посмотрел на Алексея с интересом. Так смотрят на таракана, который вдруг побежал не в ту сторону.

– Слушай, Соболь. Я тебе по-хорошему предлагал. Ты платишь – мы дружим. Ты не платишь – мы не дружим. С друзьями у нас что? Правильно, всё хорошо. А с недругами – проблемы. Ты чё, хочешь проблем?

– Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

– В покое? – Шаров улыбнулся. Улыбка была ленивая, даже добродушная. Как у сытого кота, который ещё не решил, играть с мышью или прихлопнуть лапой. – А кто тебе сказал, что ты заслужил покой? Ты его купил? Оплатил? Нет. Покой – он денег стоит. А у тебя денег нет. Значит, будешь платить иначе.

– Как?

– Отработаешь. Завтра после уроков подойдёшь. Я скажу, что делать. И смотри у меня – если не придёшь, я сам за тобой приду. И будет хуже.

Шаров встал, хлопнул Алексея по плечу – сильно, так что тот едва не уронил стакан с чаем – и вышел из столовой. Игнат и Кирилл потянулись следом. Кирилл на секунду задержался, встретился с Алексеем глазами – и быстро отвёл взгляд.

Лёша остался сидеть. Чай остыл. За окном дождь усилился. Где-то в коридоре смеялись первоклассники – у них была экскурсия. Алексей смотрел на свои руки, лежащие на столе, и думал: «Что мне делать?»

Он не знал.

Вечером он вернулся домой. Матери ещё не было – позвонила, сказала, что задержится. В холодильнике – вчерашние макароны. Мальчик разогрел их, съел без аппетита. Потом сел за уроки. Потом просто сидел за столом и смотрел в стену.

В комнате было тихо. За окном шумел ветер.

Алексей открыл ящик стола. Там лежал конверт – тот самый, в котором мать оставляла деньги на обед. Только этот был пустой. Он достал его, повертел в руках. Потом взял ручку и написал на конверте: «Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое».

Он не знал, зачем это написал. Может быть, хотел оставить записку. Может быть – просто выплеснуть слова, которые не мог сказать вслух.

Он сложил конверт пополам и убрал обратно в ящик.

Завтра был новый день. И он не знал, как его пережить.

ГЛАВА 1.2. «ТЫ НИКТО»

Утро следующего дня началось с дождя. Мелкого, противного, который не льёт, а висит в воздухе водяной пылью. Лёша стоял у окна на кухне и смотрел, как дворники машины соседа мотаются туда-сюда, размазывая грязь по стеклу.

Мать уже ушла. На холодильнике – новый стикер: «Позвонила твоя классная. Спрашивала, всё ли у нас в порядке. У нас всё в порядке? Позвоню вечером. Целую, мама».

Значит, Полина Андреевна всё-таки заметила. Не поленилась, нашла телефон, позвонила. Алексей почувствовал что-то среднее между благодарностью и раздражением. Благодарность – потому что хоть кто-то обратил внимание. Раздражение – потому что теперь придётся врать ещё убедительнее.

Он вышел из дома в семь двадцать. Нарочно попозже – чтобы не торчать у школы, не ждать звонка, не стоять в коридоре, где можно случайно встретить Шарова. Но Шаров, кажется, и не думал его искать до вечера. На переменах он проходил мимо, даже не глядя. Только один раз, в столовой, подмигнул и показал пять пальцев – «после пятого урока».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.